

- законодательному установлению того или иного нижнего возрастного порога уголовной ответственности должно предшествовать эмпирическое исследование формирования в онтогенезе способности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действия (бездействий) и руководству ими;
- решение проблемы преступности несовершеннолетних невозможно при помощи внедрения новых и расширения сферы действия старых средств карательно-репрессивного воздействия; оно может быть достигнуто лишь посредством профилактики нарушений психического развития в детско-подростковом возрасте.

А. Н. Алёхин

СТРАСТИ ПО «ЗАКОНУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ»

Ну вот! Кажется и сбывается, наконец, мечта Ильича, который живет всех живых о том, что «каждая кухарка сможет управлять государством»! Не совсем в том смысле, конечно, в каком фантазировал Владимир Ильич, проще и буквально. Избранники творят законы, не вполне ведая, что творят. Электорат же все межсезонье и долго потом еще додумывает думку думцев, пытаясь разобраться в хитросплетениях замысла, исполнения и применения законов.

Не успели утихнуть страсти вокруг закона «про педофилов» (и психологической оценке соответствующих нехороших задатков), а правоохранители уже ломают головы над законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Из внесенных изменений следует, что в закон введена декриминализация подобных деяний в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста, но достигших при этом половой зрелости. Как должна определяться эта самая половая зрелость, закон об этом стыдливо умалчивает (на глаз, вероятно). Правоохранители, наука и просто народ разводит руками: есть ведь и биологические, и психологические, и социальные критерии половой зрелости, на какие же ориентироваться то? Дальше — больше. В Санкт-Петербурге законодательно упорядочили актуальнейшую из городских проблем — пропаганду гомосексуализма. Вопрос к экспертам, к науке то есть: являются ли таковой спектакли Романа Виктюка? А замечательный советский фильм — «Служили два товарища» не пропагандирует ли гомосексуализм? Сейчас народные избранники озаботились возможностью уголовного преследования 12-летних ребяташек. Как говорится, без комментариев.

Большая гуманитарная наука по доброй отечественной традиции творится совсем в другой стороне: разрабатываются теории, пишутся диссертации, издаются монографии. Вопросы оценки половой зрелости, задатков к педофилии, вменяемости — дееспособности ребенка, те самые, что так волнуют законодателей и правоохранителей (да и, что уж тут поделывать, простого народа), в поле зрения «большой науки», будто бы и не попадают, у нее свои актуальные проблемы, научные новизны и практические значимости.

И вот счастливый случай свел, наконец, два принципиально не пересекающихся потока активностей. В Санкт-Петербурге, вслед за столицей, заговорили о жесточайшей необходимости и своевременности городского закона о психологической помощи. Закипела работа. Начиналась она, правда, года два назад, и не менее темпераментно. Ведь на специалистов, ученых наконец-то обратили внимание, даже пригласили в Законодательное

собрание. А это уже и высокая честь и большая ответственность! Тогда, правда, работа над законом как-то незаметно сошла на нет, видимо, под давлением более насущных вопросов, зато теперь, когда выборная компания позади, вопрос снова стал актуальным.

Нас учили, со слов Карла Маркса, что классами движут интересы. Интерес чиновников новизной не отличается; как бы: огромная неучтенная армия специалистов трудится на гуманитарной ниве, об этом стоит написать в специализированных аналитических изданиях, «рынок этих услуг исчисляется многозначными суммами». Что тут думать то? Нужно всех психологов пересчитать, обложить оброком, и для этого обязательно назначить главного (как говаривал персонаж известного рязановского фильма — работник управления свободного времени: «Хочешь развалить какое-нибудь дело, организуй его и возглавь!»). Замышляется, что все практикующие психологи будут сосчитаны и учтены (в специальном реестре), специально созданная комиссия будет их регулярно освидетельствовать на предмет профессиональной компетентности и выдавать соответствующее разрешение (не безвозмездно, разумеется) на разговор «по душам» с желающими. Ну и, конечно, предусматриваются санкции на случай отступления от норм закона или уклонения от постановки на учет, иначе, зачем же закон?!

К таким вещам мы все давно привыкли (да и не успели отвыкнуть еще), и не это забавляет. Забавляет то, с каким рвением уважаемые люди, засучив рукава, бросились совершенствовать способы усложнения собственной жизни. Невольно вспоминаешь короткометражку веселых грузинских кинематографистов, где прикормленный чванливый козел с бубенчиком отводит отары овец на мясоперерабатывающее предприятие.

Нет ведь и в помине никакой государственной организации, реализующей психологическую помощь людям; психологи трудятся в учреждениях различных ведомств, которые сами для себя разрабатывают регламенты, да и что понимать под психологической помощью (или на глаз определять, как половую зрелость?). Зато уже есть рабочий вариант — проект закона Санкт-Петербурга «О психологической помощи населению в городе Санкт-Петербурге», который горячо обсуждается, что удивительно, стороной, не должной иметь такого интереса! Ну какой человек в здравом уме и твердой памяти станет мечтать о том, чтобы и его «посчитали» и выдали бы справку об этом?! Ну, если он, разумеется, не претендует на место в комитетах, оценочных комиссиях или в красиво изданном фолианте реестра? Трудно вообразить, чтобы с таким рвением за государственную регламентацию своей деятельности ратовали бы экстрасенсы, целители, остеопаты, визажисты и другие представители творческих профессий. В качестве убедительного аргумента говорят: «Ну вот в Москве же есть такой закон!». Да, есть. Только в Москве сначала службу организовали, должности определили — распределили, оклады прописали, а потом уже хватились, что нужно как-то узаконить расходование средств бюджета. Так закон и появился.

И что же в проекте закона Санкт-Петербурга? Тут все по старинке, как принято. Вот так, например, в статье 1 определяются основные используемые понятия:

«Психологическая помощь — система психологических мер, направленных на разрешение психологических проблем, преодоление трудных жизненных и кризисных ситуаций, способствующая поддержанию психического и соматического здоровья, оптимизации психического развития, адаптации и повышению качества жизни.

Лица, оказывающие психологическую помощь, — субъекты оказания психологической помощи, государственные учреждения города Санкт-Петербурга и негосударственные организации, а также индивидуальные предприниматели с уровнем профессиональной психологической подготовки не ниже специалиста (чуть ниже — и бакалавра тоже).

Получатель психологической помощи — лицо, обратившееся за психологической помощью (лицо только).

Сложная психологическая ситуация — ситуация, нарушающая нормальную жизнедеятельность человека, семьи или социальной группы, которая не может быть преодолена ими самостоятельно».

И дальше в том же духе. Говорится и о неких стандартах оказания психологической помощи, которая, как следует из текста, может быть квалифицированной и специализированной, а оказываться может не то бакалавром от психологии, не то специалистом. Не лишне заметить, что заимствованная из организации медицинской помощи терминология (виды и этапы оказания помощи, стандарты помощи) выработывалась не один десяток лет, и в медицине эти термины имеют вполне определенный эмпирический и теоретический смысл, то есть вполне функциональны. Однако можно ли переносить их в психологическую практику? И как быть тогда с допсихологической помощью (наподобие доврачебной)? И в чем тогда существенное отличие профессионального психолога (бакалавра) от доброго человека? Не хочется критиковать текст проекта закона, над ним работают уважаемые люди, времени не хватает, надо писать, сроки поджимают, да и основной работы хватает.

К тому же стоит принять во внимание, что российской практической психологии от роду лет 15—20, сама психологическая наука никак не может оправиться от разрыва с марксизмом-ленинизмом и безуспешно бьется над определением своего предмета. Специалисты всерьез обсуждают приоритеты: психоанализ, гештальт или песочная психотерапия как «метод оказания психологической помощи». Казалось бы, вот и повод поработать, разобраться, договориться, сформулировать. Каковы показания для оказания психологической помощи, критерии ее эффективности, а что, если клиент или его близкие возьмутся оспаривать результат оказанной помощи, а если докажут вред оной, и кто и почему должен «разрешать» или «запрещать» психологическую практику... Вопросов такого рода не счесть. И их должно решать. Здесь и актуальность исследований, и их практическая значимость, и методологические основания — огромное поле деятельности. Подумать, заодно, а зачем государственное регулирование услуг, которые государство не оказывало, не оказывает и оказывать не собирается? Мировая практика свидетельствует, что в выборе подобного рода услуг клиент уж сам разберется, кто ему нужен, рынок регулирует спрос и предложение. Профессиональные сообщества специалистов — общественные организации вырабатывают собственные нормы и критерии для регулирования отношений на этом рынке.

Но мы, традиционно, идем свои путем! Вот взяли, например, и приняли закон, запрещающий организму россиянина содержать в себе следы алкоголя (биохимики, правда, возражали). Или, к примеру, зимнее время взять да отменить, почему бы и нет?!

Вероятно, не за горами городские законы об исповеди и причастии, о порядке рисования цветными фломастерами и об ответственности пешеходов при падении сосулек с крыш.